

Константин Реуцкий, 42 года. Луганск. Из них в Луганске прожил 39 лет.

Ты можешь назвать факты своей биографии, которые привели тебя в общественную деятельность?

Я достаточно давно занимаюсь общественной деятельностью. Наверное, больше, чем чем-либо другим. В 2000-м году мы вместе с небольшой группой коллег и единомышленников решили, что будем заниматься педагогикой, работать с трудными детьми, с уличными детьми, с беспризорными и социальными сиротами, которых тогда было очень много на улицах наших городов. И никто из государственных структур ими эффективно не занимался. С того времени, как мы открыли дневной реабилитационный центр для уличных детей в Луганске, я занимаюсь гражданской активностью, общественной деятельностью, и, так или иначе, мне с того времени пришлось становиться публичным.

Назови самые важные события в твоей жизни

Много было разных важных событий. Рождение, например. (*Смеется - прим.*). Наверное, самое важное событие.

А какие события сформировали тебя таким, какой ты есть?

В 2004 году мы из обычного местечкового активизма спонтанно, достаточно активно включились в политический процесс, причем мы с несколькими друзьями не были членами какой-либо из партий, мы практически не контактировали с тогдашними оппозиционными партиями, которые были, так сказать, на гребне волны. Мы самостоятельно распространяли информацию о том, какие изменения должны наступить в нашей стране. Это было, наверное, первое заметное изменение в моем активизме, если можно так выразиться, которое нанесло тогда какой-то оттенок, налет политической деятельности. Поскольку после этой работы в 2004 году был очень небольшой период, когда я проработал во вновь созданной после Оранжевой революции партии "Наша Украина". Год я там проработал. С очень хорошими людьми, которые пришли тогда в партию после Оранжевой революции. Но партия не оправдала надежд этих людей, поэтому большинство из нас ушли. Мы продолжили работу в рамках своей общественной организации. Но, наверное с 2004 года на многие вещи, на причины многих проблем я и другие люди из нашей группы смотрели уже по несколько другим углом зрения.

Какие темы обсуждались в твоей семье в советские времена?

Я рос в основном с бабушкой и дедушкой. Мой дедушка был кадровым офицером, причем политработником. Естественно, он был коммунистом. После выхода в запас он продолжал заниматься схожей деятельностью уже работая в высших учебных заведениях. Я не знаю, о чем он говорил со своими студентами, но дома у нас никогда не было пропаганды коммунистической идеологии. Дедушка, тем не менее, внимательно изучал прессу. Много читал и прессы, и литературы, старался анализировать. И в конце 80-х годов, когда стали открываться архивы КГБ, в период перестройки, когда стала появляться информация о репрессиях советского режима, он отказался от своей идеологии. Публично партбилет не рвал, но совершенно четко высказал свою позицию, что он не чувствует себя членом этой партии после того, что о ней узнал. Если говорить о политических взглядах, то примерно в таком ключе были наши разговоры.

Есть ли какие-то примеры из истории Украины, которые тебя воодушевили, или до сих пор воодушевляют?

Как бы это банально не звучало, но, наверное, казачество как явление. Казаческая самоорганизация. Достаточно высокий уровень демократии в той среде. Вынесем за рамки сейчас то многое плохое, что там было. Но я всегда много рефлексировал на тему свободы и самоуправляемых неиерархичных сообществ. И именно подобную организацию общества я вижу для себя в некотором смысле идеальной. И то, что на территории нынешней Украины люди много веков назад уже пытались реализовать подобную модель, это очень меня вдохновляет. Потом были достаточно яркие попытки в начале 20-го века. Нестор Махно с его идеями - тоже интересный исторический опыт.

Была ли разница между официальной историей Украины, которую ты учил в школе, и историей Украины в разговорах с друзьями, в семье?

Честно говоря, я вообще не помню, чтобы в советской школе был предмет "история Украины".

История СССР?

Была разве?

Я книжки находил.

Как-то я совершенно не помню этот курс. Мы учили советскую историю, мировую историю, так, как ее трактовали советские историки... Ну и, естественно, все, что было после этого, в конце 80-х - начале 90-х годов и дальше, очень сильно отличалось от того, что было написано в тех учебниках.

В современном понимании истории Украины ты что-то в советское время знал?

Многие события в советской историографии описывались похожим образом. То есть многие исторические факты упоминались, но их трактовка и идеологическая подоплека была совершенно иной. Например, Тарас Григорьевич Шевченко. В советской историографии, и вообще - в советской мифологии, если угодно, это герой, который боролся за права крестьянства, трудового народа. То есть он, в принципе, стал частью советского мифа. И совершенно не упоминалось о его антиимперском, антироссийском творчестве.

В какой среде находилась твоя семья в советское время? Чем интересовались люди, с которыми ты общался?

Я рос на рабочей окраине Луганска. В большинстве своем это очень специфическая среда. Часто - очень бедные люди, не ставящие себе никаких высоких целей, не слишком много размышляющих о причинах происходящего вокруг. Таких в нашем окружении было действительно много. Но я не могу сказать, что эта рабочая окраина на меня очень негативно повлияла. Наоборот - мне всегда удавалось находить интересных друзей, интересных собеседников, читавших те же книги, размышлявших над теми же вопросами, что и я. Что касается круга общения семьи - в принципе, в основном это были люди из, условно говоря, интеллигентской среды. Учителя, бывшие военные, журналисты.

У тебя остались фотографии из советских времен?

Есть фотоархив. Он достаточно большой. Но он остался в Луганске. Конечно, это последнее, о чем я думал, уезжая оттуда. Не знаю, осталось ли что-то сейчас. У нас сложные отношения с сестрой. Она осталась на той стороне, и активно сотрудничает с так называемым правительством так называемой республики. Не знаю, в каком качестве. Мы давно не поддерживаем отношения. Я подозреваю, что, возможно, она уничтожила многое из того, что относилось к истории семьи. У нее сложные отношения не только со мной, но и с большинством членов семьи.

Во времена СССР ты общался со священниками?

Нет, ни разу не общался со священниками. Вот чего точно у нас никогда не было в семье дедушки - они всегда очень холодно относились к религии. Даже и в 90-х, даже и сейчас... Они, конечно, не остались атеистами, но я не могу сказать, что они - религиозные люди. А тогда об этом речи не шло вообще. Это был какой-то совершенно другой мир. Я даже не знал долгое время о том, что священники существуют, и живут где-то рядом с нами.

Как ты оцениваешь роль священников в период СССР? В конце 80-х.

Мне сложно сказать. Я не особо изучал этот вопрос. Я не христианин, я практикую другую религию, можно это так назвать.

Люди в те времена объединялись в независимые сообщества? И если объединялись, то почему?

Мне было слишком мало лет в конце советского периода для того, чтобы говорить о каких-то осмысленных объединениях. Протестных, имеющих какую-то идеологическую, политическую подоплеку, базис. И я сам в них не принимал участия. И я не очень знаю, было ли что-то подобное в Луганске тогда. Мы, будучи подростками, объединялись тогда по интересам. У нас было много протеста. Я дружил как раз с теми, кому не нравился советский строй. И я, в принципе, достаточно осмысленно, еще, наверное, классе в 4-м или в 5-м столкнулся с этой репрессивной, насквозь лживой системой. И совершенно четко уже тогда для себя решил, что это - то, с чем стоит бороться. И эта борьба - то, ради чего стоит тратить время и силы. В наших группах было много разных разговоров, в том числе, возможно, об идеальном обществе. Но я не могу сказать, что те несколько групп, в которых я так или иначе общался, были созданы именно для какой-то политической борьбы.

Какие книжки и каких авторов с того периода ты помнишь?

В общем-то я рос на классической русской литературе. Еще в подростковом возрасте на меня достаточно сильное впечатление произвели Толстой, Достоевский, Тургенев. Наверное, это основное.

А каких помнишь людей того периода?

У меня был хороший друг, который на меня сильное влияние оказывал в конце советский времен, в эпоху нашего взросления. Когда развалился Советский Союз, мне было 16 лет всего-навсего. Мы с ним дружили достаточно долго. До этого, наверное, лет 5 или 6. Вот в тот период, наверное, это была главная фигура... Ну, конечно, я выношу за скобки своего деда, который заменил мне отца, и был, в принципе, главным человеком в моей жизни тогда. Тогда, конечно же, я об этом не думал. И вот мой

тогдашний лучший друг, наверное, наиболее сильно на меня повлиял. Он потом сильно изменился, и сейчас мы не поддерживаем отношения. И я практически уверен, что в период 14-го года, и всех событий, с ним связанных, он был на другой стороне. Я не говорю о пророссийской стороне, но очевидно, что он был против Майдана. И не идеологически, а потому, что это мешало ему и людям его круга зарабатывать деньги.

Ты слышал о Революции на граните в то время, когда она происходила?

Ничего не слышал, и события 90-91 годов для меня были, во-первых, достаточно неожиданными, а во-вторых - я очень плохо представлял, что происходит. После 8-го класса школы я ушел в профессионально-техническое училище, где была еще более специфическая среда и круг общения. Но я очень хорошо помню достаточно специфический момент. Наша учительница русского языка и литературы в 90-м году практически не вела занятий, а все уроки посвящала тому, что весь урок зачитывала вырезки из разных, тогда только появившихся, газет про разные паранормальные явления, инопланетян, и прочую чепуху. Она была немножко двинута на этой теме. И однажды, осенью 90-го года, она прочитала толкование пророчеств Нострадамуса, в которых говорилось, что через 2 года Советский Союз перестанет существовать. Это звучало совершенно нереалистично для меня тогда. Мне казалось, что это - такая непобедимая машина, которая не может так просто взять и перестать существовать. Я этого хотел, но не верил, что это может произойти, тем более - так быстро. Но это произошло еще быстрее, чем было сказано в этой публикации. Это было для меня очень приятной неожиданностью. И то, что происходило после этого - тоже было достаточно странным. Я принимал в этом тоже довольно странное участие. Нас напрягли ходить по неходячим избирателям с бюллетенями голосования на референдуме. Хотя вот не помню: это было уже голосование, или это мы только агитировали людей голосовать...

Где тебя застала акция “Украина без Кучмы”?

“Украина без Кучмы” застала меня в Луганске. И большую часть времени я тогда жил в Луганске. Я не ездил в Киев тогда, но мы присоединялись к акциям местных активистов, выходили на площадь с плакатами, выражая таким образом солидарность.

“Украина без Кучмы” имела влияние на последующие революционные события 2004-2005 годов?

Ну очевидно, что Оранжевая революция была логичным продолжением событий 2002 года, поскольку гештальт оказался незакрытым. УБК разворошила большой клубок проблем, и задала вектор. То есть люди почувствовали, что власть несправедлива, что все должно происходить иначе, и силовое подавление протеста в 2002 году, я думаю, многих настроило на то, чтобы каким-то образом продолжить борьбу. И то, что произошло в 2004 году, было суперлогичным, это тогда чувствовалось во всем. В 2003-м и начале 2004 года в атмосфере витало напряжение, и для меня тогда уже было абсолютно очевидным, что будет что-то интересное. Что-то будет.

Расскажи, пожалуйста, про форму и ход Помаранчевой революции.

К Помаранчевой революции я присоединился через день после того, как она началась. Как сейчас помню - в субботу я отпраздновал свой день рождения, потом, в воскресенье, проголосовал, и уже вечером воскресенья, сходя в Луганске на центральную площадь, увидел, как готовилось помпезное празднование победы

Януковича. Было согнано много людей, которых мы теперь называем “титушками”, и уже был виден подвоз автобуса с бюджетниками, которых на этот митинг пытались согнать. И, видя в сюжетах “5 канала” о том, что происходит в Киеве, я четко принял для себя решение, и на следующее утро, наскребши последний полтинник, сел и поехал в Киев. Я не знал, как координируются процессы на тогдашнем Майдане. Мы с небольшой группой друзей приехали и просто старались быть полезными там, где это возможно. Что называется, волонтерили, старались узнать, что происходит, информировать друг друга, информировать людей в Луганске. Тогда еще не так развиты были социальные медиа. Так это все, собственно, и происходило. Революция-то была достаточно короткой. Неделя? Две? До того, как было принято решение о проведении повторных выборов. Все это время до решения о повторных выборах мы провели в Киеве, активно участвуя во всех акциях. После этого вернулись в Луганск, наладив коммуникацию с активистами из Киева и других регионов страны. Мы стали получать и распространять в Луганске газеты, листовки. Опять же - не контактируя при этом с партийными структурами. Но во время повторного голосования мы пошли и предложили себя штабу Ющенко. И работали членами комиссии - я и еще несколько человек с нашего круга. Кто-то работал наблюдателем. Я, в частности, работал членом комиссии.

Что, по твоему мнению, было самым важным во время Помаранчевой революции?

Я думаю, что тогда люди, наверное, в первый раз так массово переступили через себя, через собственную привычку к покорности, через свой страх. Многие тогда, кстати, были уверены, что будет силовое подавление. После УБК были все основания так думать. Люди готовились к тому, что в них будут стрелять, но, тем не менее, они шли, ехали, и во всем этом участвовали. И тогда, наверное, в первый раз такое большое количество людей заявило, что они хотят жить в другой Украине, а не той, которую в сговоре с российскими элитами строили украинские элиты.

Какова была главная мотивация граждан Украины принять участие в протестах? Почему они пошли протестовать?

Люди хотели изменений. Тот уклад жизни, те модели взаимоотношений, ролей в обществе очень многих не устраивали. Я думаю, что многие, если не проартикулировали, то чувствовали, что это неправильно и несправедливо. Глядя на Европу, люди укреплялись в мысли, что можно жить по-другому. Более справедливо, имея больше возможностей для самореализации. Что власть должна действовать в интересах людей. И так далее. Мне кажется, тогда большинству людей это еще было достаточно сложно высказать, но на интуитивном уровне это было.

Кто был ответственным за принятие политических решений на протяжении Помаранчевой революции со стороны оппозиции?

Ну формально лидером был Ющенко. Формальным лидером, кандидатом в президенты. Человеком, взявшим на себя полную ответственность за то, что происходило с его стороны. Также яркой фигурой на тот момент была Юлия Тимошенко. Уже тогда она могла соперничать по популярности с самим Ющенко. По моему опыту, она многое сделала именно на Востоке. Она много ездила по Востоку Украины, по Луганской области - в частности. И то, что она говорила, и то, как она говорила, тогда довольно сильно влияло на людей, и я видел, как люди, относящиеся

к ней негативно - потому, что им так сказали, сказали, что так правильно, - после ее выступлений меняли свое отношение, и практически становились ее сторонниками. Ну если не сторонниками, то, по крайней мере, очень сильно задумывались над правильностью своей точки зрения.

Кто был ответственным за политические решения на протяжении Помаранчевой революции со стороны власти?

Кучма. Медведчук, очевидно. Не знаю, насколько Янукович... Но думаю, что да. Янукович уже тогда играл одну из важных ролей. И, как мне кажется, он уже находился в негласном процессе передачи власти от Кучмы к нему. И вот эти вот донецкие элиты, Янукович, стоявший за ним, Ахметов и другие, они, конечно же, тоже играли очень важные роли в происходящем тогда. Но они тогда, мне кажется, не успели на тот момент закрепиться на национальном уровне так, как им это удалось позднее.

Почему лично ты принял решение участвовать в протестах?

На протяжении нескольких лет до Помаранчевой революции я отмечал для себя очень опасные тенденции. В принципе, с подросткового периода основным противником для меня была сильная власть. Тоталитарная, авторитарная. Я очень не хотел возвращения Советского Союза, возвращения тоталитаризма, и еще тогда я решил, что этому нужно уделять много сил. Я, конечно, не ожидал, что все случится так быстро. И в годы, предшествовавшие Помаранчевой революции, я со страхом наблюдал за усилением милиции, службы безопасности, за расширением их полномочий. Тогда мне Кучма казался олицетворением возможного авторитаризма. И, действительно, он давал почву для опасений, что он может нарушить Конституцию, изменить Конституцию и пойти на еще один президентский срок. Но он этого не сделал, и, в принципе, тогда поступил более грамотно. Мой протест тогда был против тренда к авторитаризму. Это основное.

Какая роль самых богатых украинцев, и каких именно, в проведении протестов?

После Помаранчевой революции горько шутили, что это было "восстание миллионеров против миллиардеров". И, в принципе, действительно, активную роль в ней сыграли те политико-экономические элиты, которые были до этого, условно, "на вторых ролях". Тот же Порошенко, Жвания...

Какие были главные цели Помаранчевой революции, и что было характерным именно для нее?

Главная проартикулированная цель - это было избрание президентом Виктора Ющенко, который обещал, что изменит тренд страны от классической советской плутократии к чему-то более европейскому, к открытой подотчетной власти. Было много принятых и мною, и большинством людей социальных обещаний, но самым главной тогда была все-таки демократическая риторика. Демократия, плюрализм. Понятность, прозрачность власти.

Как ты оцениваешь участие зарубежных политиков в урегулировании конфликта в Украине? Роль кого из них заслуживает внимания, и почему?

Честно говоря, я тогда не очень глубоко вникал в расклад политических сил в Европе, и их влияния на процессы в Украине. Одним из часто звучавших имен было имя Хавьера Соланы, который действительно тогда принял активное участие в

переговорном процессе, и, по сути, модерировал переговорный процесс. И мне кажется, что благодаря ему европейское сообщество было тогда действительно очень активным игроком. Очевидно, что путинская Россия тогда тоже активно приложила, но режим и эта страна на тот момент еще не настолько окрепли, и может быть поэтому тогда удалось нейтрализовать их влияние. Конечно же, американцы тоже активно участвовали в этих процессах, также оказывая влияние и давление на украинское политическое руководство с целью не допустить силового решения этой проблемы. Не допустить фальсификации выборов, закрепления сфальсифицированного результата, и все-таки дать людям возможность свободно изъяснить свою политическую волю.

Каким было твое наибольшее разочарование после Помаранчевой революции?

Самое большое разочарование - это люди. Которые в ней принимали участие, которые поддерживали Помаранчевую революцию. И которые после нее, к сожалению, так же, как и сейчас, отправились, лежа перед телевизором, ждать, когда же наконец справедливость восторжествует, и когда кто-то организует им новую, счастливую и справедливую жизнь.

События Помаранчевой революции привели к смене политической системы в Украине, или нет?

Нет, конечно они не привели к смене политической системы. Борьба политических элит не прекращалась ни на минуту с того момента, и через 10 лет вновь перейдя в острую фазу. Мне откровенно нравилось, что у нас нет сильной президентской власти. Я, к слову сказать, считаю, что она не нужна вообще. Что у нас в принципе нет сильной власти с трендом в авторитаризм. И меня, в принципе, такая ситуация вполне бы устроила, если бы она продолжалась и дальше. Помаранчевая революция не привела к смене политической системы именно потому, что слишком сильными, последовательными и сплоченными оказались те, кто не хотел смены этой политической системы. А те, кто хотел этих изменений, оставались в меньшинстве. Часть из активных участников, из топовых лиц Помаранчевой революции успешно эксплуатировали эту систему в своих интересах. Часть лидеров Помаранчевой революции, а потом и правительства, оказались слабыми людьми, которые не могли противостоять противникам, и в итоге это привело к тому, что люди разочаровались в происходящем, многие поверили популистской риторике противников, и в 2010 году, с избранием Януковича президентом, что для меня было шоком, начался быстрый регресс.

Какие были причины возникновения протестов, известных как Евромайдан?

Я думаю, что в принципе - те же самые, что и причины Помаранчевой революции. Но в 2014 году, и в принципе - во время "второго пришествия" Януковича... Или это уже было третье, если считать его каденцию премьер-министра? Я думаю, многие увидели угрозу в его скорости. Было видно, что, очевидно, у него есть какой-то план, который он старается осуществить как можно быстрее, совершенно игнорируя мнения людей. Мы помним, что Евромайдану предшествовали довольно сильные, массовые протесты. Например - предпринимателей. Мы помним, что Янукович brutally прокинул украинское общество, заключив, достаточно неожиданно, в принципе без каких-либо общественных обсуждений, договор о пролонгации аренды баз Черноморского военного флота в Крыму. Я думаю, что люди внимательно следили за

этим, и анализировали, и делали выводы. Мне все эти несколько лет казалось, что все очень плохо, и будет еще хуже. У меня как раз перед самым Евромайданом была очень сильная апатия. Мне казалось, что люди, наблюдая за тем, как страну brutally ломают через колено, все меньше и меньше выражают протест. В 2013 году я не помню каких-то массовых выступлений. А акции, все эти оппозиционные “марши миллионов”, выглядели очень смешно. И, казалось, они совершенно не связаны с происходящим, и не являются реакцией на это.

Если коротко обобщить, то, по крайней мере для меня, причина была в том, что мы двигаемся не туда, куда нам хотелось бы. Условно говоря - от демократии к авторитаризму, если не хуже.

Политический кризис можно было решить иначе, чем акциями протестов на Майдане?

Я повторюсь: в годы перед Майданом правительство Януковича демонстрировало полное пренебрежение к мнению людей. Было видно, что они просто не считают нужным обсуждать то, что они делают с народом Украины. И я думаю, это если не осознавали, то чувствовали многие, и мне кажется, что, все-таки, на тот момент другого варианта, кроме как публичный, уличный протест, уже не оставалось. Но ведь после начала Евромайдана было еще больше недели уличного протеста, который сопровождался переговорами, попытками переговоров с той властью на всех уровнях. И на уровне “власть - тогдашняя политическая оппозиция”, и на уровне “лидеры европейского сообщества - украинская власть”. Какие-то лидеры мнений пытались коммуницировать с правительством Азарова и администрацией президента Януковича.

Протесты на Майдане могли закончиться по-другому, без пролития крови?

Конечно могли бы. Если бы Янукович смог удовлетворить хотя бы часть требований Евромайдана. Об этом, наверное, уже было много сказано и предыдущими интервьюируемыми. Я думаю, что многие так считают. И об этом постоянно говорится. Что, в принципе, достаточно было Януковичу просто отложить вопрос принятия решений о евроинтеграции и пойти на определенные уступки, и, в принципе, он имел реальные шансы на то, чтобы в 2015 году снова быть избранным президентом. Даже после первых серьезных столкновений 30-го ноября, если бы были наказаны виновные, было признано, что милицией и должностными лицами совершено, в общем-то, преступление. Даже тогда можно было бы избежать того, что произошло. Но та власть продолжила ту же самую линию, которую она избрала в предыдущие 3 года. Они продолжали гнуть свое, не принимая во внимание мнение людей. И это обе стороны, мне кажется, постоянно накручивало и озлобляло.

Лидеры протеста были склонны к договору?

А кого мы называем лидерами протеста?

А кого ты бы ими назвал?

У этого протеста, в общем-то, не было лидеров. Точнее - их было много. Их было гораздо больше, чем хотелось бы, например, тогдашней политической оппозиции. Мы все видели, что “Свобода”, БЮТ и УДАР очень плохо контролируют эту ситуацию, и с каждым днем Евромайдана их вес только падал. Перед конфронтацией на Грушевского мы помним, как им смеялись в лицо. Вся площадь, весь Майдан требовал

их ухода со сцены. Это очень яркий момент, но, в принципе, он очень хорошо отражает отношение людей к тем, кто хотел, чтобы их считали лидерами Евромайдана. На самом деле, Евромайдан - это большой котел. Очень сложный конгломерат многих политических и активистских групп, исповедовавших очень разные по политическому спектру взгляды. Часто требовавшие очень разных вещей, и по-разному видящие будущее этой страны. И взаимодействие этих групп, лидеров этих групп и дало, мне кажется, ту синергию, тот результат. Я имею в виду даже не только Евромайдан и то, что там происходило. Как минимум еще год после него была вот та необычайная активность и солидарность, организованность людей, которая смешала карты России. Которую совершенно не учли в Кремле, и с которой не смогли ничего сделать на тот момент. Именно поэтому там захлебнулась их кампания на Востоке Украины.

Какими были твои обязанности на Евромайдане, что ты делал?

Во время Евромайдана в Киеве я, помимо освещения событий, занимался волонтерством, старался быть полезным там, где это было нужно. Мы работали и с ранеными в больнице скорой помощи. Поскольку я все еще чувствовал себя правозащитником, я уделял достаточно много времени фиксированию нарушений, фото-видеофиксации. Опрашивал пострадавших 30-го ноября, 1-го декабря. Позднее - пострадавших на Грушевского. В Луганске на базе нашей организации, правозащитного центра "Поступ" возникла достаточно большая группа, которая назвала себя "гражданский сектор луганского Евромайдана". Многие из них до этого не занимались никаким активизмом или правозащитной деятельностью. Но продолжают, кстати, работать с нами и сейчас. Это были люди, которых что-то не устраивало в деятельности местных представительств тогдашней политической оппозиции. Они хотели чего-то большего, хотели чего-то более честного, что ли. Искреннего. И мы все вместе стали внепартийным луганским Евромайданом. Это было, в общей сложности, наверное, человек 100 - 150. Эти люди были одними из первых, кто вышел в Луганске на протесты. И это были те люди, которые протестовали каждый день. Если акции политической оппозиции проходили только по воскресеньям, в формате так называемого Вече, то гражданский сектор луганского Евромайдана собирался на главной площади каждый вечер. Это были очень разные акции, от акций протеста, если происходило что-то вопиющее, до разного рода праздников, каких-то творческих интересных акций, до уличных университетов, где мы сами, или кто-то из приезжих, лидеров мнений или экспертов в каких-то отраслях, рассказывали что-то интересное местным активистам.

Что ты можешь рассказать о самоорганизации Евромайдана? И киевского, и луганского. Это была хорошая организация, или все было стихийно?

Этот Майдан получил тот результат, потому что очень многое было стихийным. Если бы мы опирались только на политическую оппозицию, и шли только за тогдашней политической оппозицией, то очевидно, что смены власти не произошло бы. Я в этом более чем уверен. Именно потому, что уровень самоорганизации был очень высок... Но опять же, самоорганизация происходила вокруг очень многих лидеров. Очень многих. Я думаю, что речь идет на сотни, если не на тысячи человек по всей стране. И это сделало этот процесс очень трудноуправляемым извне, но это же и обеспечило "почтинеуязвимость" этого протеста. Не было никого, с кем Янукович мог бы договориться о том, чтобы остаться у власти.

Как на твоё участие в протесте реагировала семья, близкие, друзья?

Близкие люди меня поддерживали и были рядом вместе со мной во время этого протеста. Некоторые из родственников относились негативно, но таких было меньшинство.

Кто на протяжении протестов был твоим врагом, соперником?

В широком смысле - главным врагом для всех нас (и это, наверное, всех объединило), был Янукович как олицетворение той системы, которую он пытался строить. Конечно же, у него было много соратников. На областном уровне - это была группа Александра Ефремова, опять же - как олицетворение для нас этой системы. Как одного из лидеров этой организованной олигархии. На более низком уровне у них было много слуг, которые активно нам противостояли. Начиная от Арсена Клинчаева, с которым мы в таких ролях сталкиваемся где-то с 2005 года. У них появились новые провайдеры на тот момент, новые подрядчики. Это люди, которые позднее стали называть себя "луганской гвардией", Александр Харитонов и многие другие.

Какую роль на Майдане сыграли религия, искусство и история Украины?

Важную. И религия, и искусство, и история. Это все были способы рефлексии по поводу того, кем нам быть, и как нам строить свою страну. И для меня очень важно, что мнений было много. На Майдане были представители разных конфессий, были представители разных культурных течений, были люди, которые по-разному трактуют историю Украины. И для меня Майдан важен именно дискуссией. Тем, что несмотря на часто очень острые противоречия, очень большую разницу в позициях, несмотря на то, что дискуссия шла тяжело, иногда - на грани фола, она все же была, и люди, перед лицом некой более важной задачи, которую они все признавали, могли приходить к каким-то компромиссам, могли находить в своих, часто - противоположных позициях, что-то общее, объединяющее. И в этом было очень много силы.

Какая была роль интернета и СМИ на протяжении Евромайдана?

В годы перед Евромайданом мы наблюдали очередной удар по средствам массовой информации, попытку заставить их петь и танцевать под одну дудку. Поэтому классические средства массовой информации - имеются в виду, конечно, прежде всего телеканалы - утратили такую значимую роль. Но именно тогда, в 13-м, 14-м году социальные сети стали очень важным источником информации вообще. Это был рассвет и фейсбука, и твиттера. Горизонтальный обмен информацией с людьми, находившимися во многих разных важных точках - это и стриминг, видеопоток, который мог раздавать кто угодно. Опять-таки: многие люди находились во многих важных точках. Мы могли своими глазами, через объективы их телефонов и камер, очень быстро, буквально в режиме реального времени или чуть позже, увидеть, что происходило, что происходит сейчас. Принимать решение и действовать соответственно.

Как ты оцениваешь политику других государств на протяжении Евромайдана?

Прежде всего тогда я видел со стороны европейских лидеров много страха. Понятное дело, что они, очевидно, хотели смены политического режима, но каким-то более безопасным для них путем. Возможно - путем выборов 2015 года. Вероятно, здесь украинцы были менее терпеливы, чем европейцы. Я видел с их стороны много не

только готовности, но и попыток прийти к компромиссу, который чем дальше, тем менее был приемлем для протестующих. Несмотря на поддержку, которую европейское общество, европейские и американские политики оказывали Евромайдану, я видел, что все-таки цели протестующих идут дальше, и не всегда удобны для этих людей.

Как ты представлял себе результаты протестов на Евромайдане?

Уход Януковича. Это было однозначно. Но если, например, в ноябре 13-го года мы видели по-началу это так, что Янукович принимает требования протестующих, которые тогда крутились вокруг подписания договора об ассоциации, подписывает этот договор, и дальше мы уже смотрим на его поведение, и готовим общество к голосованию 2015 года, чтобы мощно выступить против, то в феврале 14-го года это могла уже быть просто безоговорочную капитуляция. Мы были готовы продолжать этот протест столько, сколько потребуется. Я не был готов к силовым действиям, и большинство из нашей группы, из гражданского сектора луганского Евромайдана не видели силового решения этого конфликта, но мы были готовы многим жертвовать, и продолжать действовать для того, чтобы парализовать власть, до того, пока Янукович не сложит с себя полномочия, или не назначит досрочные выборы.

Каким было наибольшее разочарование после Евромайдана?

Оно точно такое же, как и после Помаранчевой революции. Хотя люди уже надеялись на лидеров меньше, чем в 2005-6-7 годах, и многие были готовы действовать сами, но все-таки таких людей оказалось недостаточно, а большинство ожидало, что все сделают за них. Но здесь я, конечно же, куда больше разочарован в людях, которые заняли ключевые должности в новом украинском правительстве. Сам исторический момент все-таки требовал и требует от этих людей намного большего, чем они готовы дать украинцам.

Что тебя позитивно удивило после Евромайдана?

После Евромайдана и во время войны у меня не осталось никаких сомнений в том, что у украинцев есть некий важный стержень, которого нет у наших соседей севернее и восточнее. Что сколько бы потрясений нам еще не выпало, но это всегда будет прорасти в украинцах, и рано или поздно мы все-таки станем совсем другой страной, и я думаю, что, несмотря на все трудности, осуществляются те мечты, с которыми люди шли на протесты и в 2004-м, и в 2014-м году.

Какой момент протеста 2013 и 2014 годов ты считаешь переломным?

Таких моментов было несколько. В первую неделю Евромайдана произошло нечто очень магическое, чего не происходило раньше ни в одном крупном протесте. Наверное. Во всяком случае, этого точно не происходило во время Помаранчевой революции: большинство людей совершенно четко заявили, что их не интересуют терки и пустая риторика политической оппозиции. И мы увидели, как лидеры политической оппозиции просто охренели от того, что произошло. Когда они были вынуждены привезти своих наверняка оплачиваемых сторонников с полупустой Европейской площади под стелу Независимости, где тогда несколько непартийных объединений проводило свой митинг, и где людей было в 10 раз больше. Были вынуждены выполнить требования свернуть партийные знамена, если они хотят присоединиться, и влиться туда, где они не играли никакой роли, где они практически

никого не интересовали как лидеры. Я слышал, через несколько дней перед несостоявшимся подписанием договора об ассоциации... Я был в Вильнюсе тогда, и видел выступление этих политических лидеров, и мне было очень смешно слушать, например, того же Яценюка, который одной из главных проблем страны - и было видно, что он говорит это с искренним отчаянием, что это было для него открытием, - считал то, что к ним не прислушиваются протестующие. Он тогда говорил, что это все делается с подачи Януковича, что это он дезориентирует людей, но на самом деле все было не так. Это были одни из первых моментов искреннего самоосознавания людей, попытки играть по каким-то новым правилам. Потом, конечно же, были периоды конфронтации. 30е ноября, ставшее шоком абсолютно для всех. 30-е ноября, из этого трагического утра переросшего в огромный стихийный митинг на Михайловской площади, на котором мы тоже были. Это были очень важные моменты. Было несколько более трагичных, грубых моментов. Столкновения 1-го декабря, атаки и попытки вытеснить людей с Майдана 11-го декабря. В Луганске были важные вехи - это то, что очень долгое время наши оппоненты, люди, которые были нашими противниками на региональном уровне, тогдашняя местная власть, губернатор, люди Александра Ефремова и он сам... Ощущалось, что они находятся в меньшинстве. что их не поддерживает большинство луганчан. Они не выступали открыто против них, но в нашу сторону было очень много позитивных сигналов.

Первые проплаченные титушки. Совершенно левые пацаны, которые просто не могли связать двух слов. И за которыми никого не было. Я имею в виду - из людей, из простых луганчан. Долго. Полтора месяца. До эскалации Майдана в Киеве, до Грушевского. Против нас выходили, совершенно очевидно, проплаченные люди, без какой бы то ни было социальной поддержки.

Важным моментом было то, что в конце января 14-го года власть начала предпринимать уже куда более осмысленные шаги, уже начала нагнетать истерию, используя все возможные средства, которые у них тогда были. Я сейчас говорю прежде всего о Луганской области. И тогда у них это стало получаться. С этого началось много сложных моментов, переросших потом в конфронтацию, которая не закончилась и сейчас.

Для украинцев на протяжении протестов, которые проходили с 91 года, были важны предыдущие революционные события в 20 веке, или другие события в истории Украины?

Было ли это продолжением политической традиции?

Да.

Понятия не имею. (*смеется* - прим.). Не могу сказать. Но я думаю, что да. Но опять же: здесь речь, наверное, не в осмысленном большинстве продолжении этих традиций. А как раз-таки в том, о чем я уже упоминал. В том, что ментальность украинцев - особенная. Она отличается. Много общего с российской ментальностью, это правда, надо это признать. Но, тем не менее, у украинцев есть тот стержень, то особое ощущение несправедливости, какая-то определенная готовность жертвовать, готовность протестовать против несправедливости. И это нас отличает. И Революция на граните, и УБК, и Помаранчевая революция - это не причины, а внешние проявления, следствия вот этих качеств, которые у нас есть. Можно дальше углубляться в историю, вспоминая казачество. И еще борьбу УПА, и борьбу против большевизма в начале 20го века, и так далее.

Какие события из происходивших в последний период СССР повлияли на протесты после 1991 года?

Не знаю. Я не могу сказать.

Каким было отношение протестующих и власти к наследию советской времени и империальной роли России?

Я думаю, что в период УБК эта риторика не была ярко выраженной. В УБК принимало участие много активистов левого толка. Как, впрочем, и в следующих протестах. Но сейчас часть этих людей исповедуют довольно странные взгляды.

Я могу, наверное, все-таки компетентно говорить только о Помаранчевой революции и Евромайдане. Во время Помаранчевой революции так остро не поднимался вопрос о противодействии российской “имперскости”. Благодаря, наверное, более тонкой, что ли, политике Кучмы, который старался держать баланс и лавировать между влияниями Запада и России. Это ему удавалось лучше, чем его менее образованному последователю.

Да и “имперскость” тогда была еще не та, далеко не та. Путин еще не стал императором на тот момент. Тогда в самой России было куда больше плюрализма и политической конкуренции. Она уже подходила к концу, но, тем не менее, общество на тот момент еще оставалось достаточно открытым. Вот поэтому и не звучало. Но в 2013-2014 годах, когда выбор между Западом и Востоком был уже куда более однозначен, стало звучать очень много антироссийской риторики. Это было обусловлено еще и очень очевидными вещами, как мне кажется. Все вот эти вот трогательные моменты с получением сколько-то миллиардного кредита от России, якобы вместо европейского кредита, в котором было отказано, и так далее. Ну и brutальные вещи, произошедшие до того: коллаборация Януковича с Путиным, несогласованная ни с кем передача военных баз в Крыму, и тд, и тп. В общем, тогда уже, к этому времени роль России стала достаточно очевидной для тех, кто, возможно, не понимал этой роли раньше.

Были ли какие-то организации в истории Украины, которые особо повлияли на развитие гражданского общества и склонность к протестам в украинском обществе? Может, Рух или УПА? Может, шахтерские какие-то?

Шахтерские протесты были яркими, но шахтерские протесты были задушены в конце 90-х годов, и эта часть населения, это профессиональное сообщество, социальное сообщество перестало играть особую роль. Я не могу четко назвать такие организации. Крупных игроков, которые сильно повлияли на протестное движение. В Украине странное, но не слабое гражданское общество. И так было, в общем-то, наверное, с 90-х годов. И многие небольшие организации, наверное, были сеятелями такой вот культуры протестов. Конечно же, не все, но их было достаточно количество. Возрастающее количество таких вот небольших организаций. Много лидеров этих организаций, которые говорили о том, что нельзя мириться с несправедливостью, и так далее. Наверное, это шло все-таки не столько от крупных политических партий, или крупных общественных организаций, профсоюзных объединений, сколько снизу, от небольших объединений.

Есть ли в Украине олигархия?

Думаю, да.

Какое значение в возникновении протестов отыграла коррупция? И в чем ее суть в Украине.

Коррупция пронизывает все украинское общество, все сферы жизни украинцев. Она коренится очень глубоко в нашей культуре. С одной стороны. С другой стороны - есть достаточно большая часть общества, которая считает такую культуру, такую практику неприемлемой. И мне кажется, у нас в обществе идет постоянный конфликт, постоянная дискуссия тех, кто не то чтобы "за", потому что публично "за" говорить некомильфо, но, тем не менее, "за" - тем, что юзают, и подспудно рекламирует, пропагандирует такие модели. С теми, кто этого категорически не приемлет, и готов на многое для того, чтобы этого не было. Как это повлияло на протесты? Я думаю, так, что появляется все больше людей, для которых коррупция является чем-то неприемлимым, и протесты в большой степени именно против коррупции, против культуры коррупции. Хотя я думаю, что многие люди этого до конца не осознают, и даже продолжают пользоваться различными коррупционными схемами, многие из которых вообще не отрефлексированы, и коррупцией даже не считаются.

Ты можешь сравнить ход и значение протестов в Украине после 91 года? Что у них общего, и что различного?

Повторюсь, я бы все-таки сказал, что общее - это схожесть объекта протеста. Условного врага. То есть это протесты против зарождающегося авторитаризма, это протесты отчасти против несправедливости, коррупции и тд. Чем они отличаются? Массовостью и степенью готовности рисковать. Но и то и другое - это, на самом деле, очень связанные явления, и это обусловлено тем, что украинское общество взрослеет, думает, рефлексит, понимает причины и делает свой выбор.

Откуда люди знали, как протестовать, и какие формы протеста наиболее эффективные?

У УБК, конечно, было больше стихийности. Мне кажется, что протест был, может быть, недостаточно взвешенным. Не было какого-то внешнего управления, но и не было попыток планировать действия, видеть перспективу. Не было четко проартикулированных достижимых целей. Протест 2004 года был все-таки более мейнстримным, что ли. Но в общем тогда ключевую роль играла политическая оппозиция, и люди шли за ней. Он был более управляемым в этом смысле. Люди были готовы. Они делали ставку на лидеров политической оппозиции, в приходе к власти которых они видели залог изменений их жизни. Во время Евромайдана мы видим, что разочарование... Люди, если можно так сказать, провели работу над ошибками, извлекли уроки из прошлых протестов. Они уже понимали, что нужно действовать более осознанно, возможно. Мыслить более стратегически. Что нужно общаться, вести диалог друг с другом. Нужно создавать структуры. Причем делать это самостоятельно, а не надеясь на политических лидеров, людей, которые хотели бы возглавить этот процесс. Потому что они врут, и, вероятнее всего, обманут.

Участие в предыдущих протестах было стимулом принять участие в следующем протесте?

Ну мой-то протест - он не закончился. В 2004 году, после прихода к власти Ющенко, мы, в принципе, продолжали свою работу, которая теснейшим образом связана с оппонированием власти, на тех уровнях, на которых мы работаем. Ну в основном,

конечно, областной власти. Но так или иначе - мы расширяли свою деятельность, и, в принципе, видели, что оппонировать власти нужно всегда, потому что она всегда склонна к тому, чтобы нас намахивать. Иногда - brutally, иногда - более искусно.

Почему некоторые люди не протестуют?

По разным причинам. Кто-то вообще не видит смысла в собственной какой бы то ни было активности, не считает, что может каким-то образом повлиять на эти процессы. Кто-то вообще не считает, что на эти процессы нужно влиять, поскольку как-то оно будет. Всегда было - будет и сейчас. Кто-то не чувствует, что его участие сыграет какую-то роль, сможет повлиять. Он вроде бы и хотел бы, но не верит в то, что он может быть полезным. Ну это из стандартных мотиваций. А так - наверняка есть гораздо больше. Кто-то разочаровывается в партнерах, в людях, на которых он делал ставку.

Какое главное деление между теми людьми, которые протестуют, и теми, которые поддерживают власть?

Поддерживают власть разные люди. Мотивация у них разная. Большая часть людей выступает просто за стабильность. "Вот пусть все будет, как будет. У нас много дел, у нас дети, куры, овцы, родственники, и так далее. Нам есть чем заняться в этой жизни. Нас особо эта ситуация не парит. Пусть она остается такой, как есть. Главное - чтобы не было войны". Это - одна очень большая категория людей. Если не будет происходить какого-то заметного ухудшения их жизни, они всегда будут за действующую власть. А если еще будет хотя бы минимальное улучшение жизни, или если хотя бы в том, что их жизнь улучшается, их будут убеждать с экранов телевизоров, они будут за власть всеми конечностями. Но есть люди, которые просто связаны с властью какими-то отношениями, может быть - личными, может быть - условно говоря, бизнесовыми. И они, конечно, тоже будут за нее топить. То есть те, кто ест с барского стола, условно говоря, то ли бутерброды с икрой, то ли просто падающие с него крохи, будут за власть. Против власти будут либо те, кто хочет занять место за столом, либо те, кого искренне не устраивает сама система ценностей и общественных отношений.

На кого опираются протестующие и на кого опирается власть?

Очень по-разному. Можно на двух примерах показать эту разницу: 2004-й и 2014 годы. В 2004 году люди опираются на лидеров, в которых они вдруг поверили, 2013-й - начало 2014-го года - люди опираются на себя прежде всего. Хотя потом они склонны опираться на лидеров снова.

Власть опирается на молчаливое большинство, о котором мы говорили. На людей, которые покорны, и хотя бы не выступают против. На людей, которых можно таким образом вывести на многочисленные акции в свою поддержку просто приказом их начальника. И которые не будут этому возмущаться, потому что им дорого, например, их место работы, или какие-то сыплющиеся крохи со стола. И, конечно же, в большой степени - на лояльные политические элиты. На админресурс, встраиваемый в своих интересах, под себя, важной частью которых является силовой блок. Полиция, служба безопасности, прокуратура. И титушки.

Кто протестовал? Кто были эти люди?

Разные. Очень разные. Разные и по уровню образования, и по социальному положению, и по политическим взглядам. По возрасту. То есть на Евромайдане кого только не было. Все. Просто реально все были представлены. Кроме тех, которые хотят, чтобы их не трогали, и “главное - чтобы не было войны”.

Какое значение отыграли очередные протесты в эволюции украинского общества?

Это - важный этап в становлении украинского общества, украинского самосознания в целом, украинской государственности. Я думаю, что, к сожалению, цели не достигнуты. И нас впереди ждет еще много потрясений. Но опыт Евромайдана - он бесценен. Мы его еще до конца тоже не отрефлексовали. Об этом надо думать, говорить. И стараться развить те очень важные положительные моменты, которые были. Они нам очень нужны. Это самоорганизация, например. Возможность коммуницировать даже с, казалось бы, непримиримым оппонентом. Солидарность, взаимопомощь, и так далее.